

Н. А. Криничная
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Окно крестьянского жилища: к представлениям о границе и контактной зоне между мирами в севернорусской мифологии

В мифологических рассказах окно, обозначенное как отверстие, проем, просвет, символизирует «размыкание» жилого пространства в его взаимодействии с недифференцированным внешним, в том числе и трансцендентным, миром. Этот образ связан с реальным окном, занимающим надлежащее место в истории материальной культуры. Вопрос об осмыслении окна крестьянского жилища в народных представлениях, освещенных в том или ином аспекте, неоднократно рассматривался исследователями. В числе их А. К. Байбулин, И. Е. Гришина, Л. Г. Невская, С. Е. Никитина и Е. Ю. Кукушкина, А. Б. Мороз, А. Б. Пермиловская, В. Н. Топоров и другие¹. Однако на материалах мифологических рассказов, соотнесенных с народным творчеством в целом и изобразительным искусством в частности, данный фольклорно-архитектурный образ не был объектом специальных разысканий. А между тем комплексное изучение концепта окна и подоконного пространства, внутреннего и внешнего, позволяет воссоздать картину взаимодействия миров, определяемую ситуацией появления на их стыке мифических пришельцев: покойников, духов-«хозяев», божеств судьбы, некой персонифицированной силы, – равно как и характером последствий такого появления для контактеров. Проанализировать названный фольклорно-архитектурный образ в обозначенном ракурсе – цель этой статьи.

В качестве светового, слухового, смотрового, а отчасти и дымоволочного отверстия окно сконцентрировало вокруг себя идущие из глубины веков представления, которые изначально формировались применительно к древнейшим и наиболее простым по своей конструкции проемам. Причем лингвистические исследования указывают на вторичность окна по сравнению с дверью, чем, в частности, и обусловлено иногда встречающееся обозначение окна как «дверцы»². Соответственно вторичной является и история формирования этой ставшей неотъемлемой части крестьянского жилища, получившей в фольклоре столь заметную символическую значимость и семантическую напряженность.

Наиболее архаичными считаются щелевые окна, представляющие собой «лишь несколько расширенные между бревнами щели»³. Показательно, что слово *окъньце*, известное, по мнению лингвистов, раньше, чем *окно*, как раз и означало «дыра», «отверстие», а также «окошко», тогда как первая фиксация лексемы *окно* относится лишь к XIII в.⁴ Утраченные со временем в жилище, щелевые окна удерживаются в подсобных помещениях крестьянского дома-двора. Имеются в виду щелевидные проемы окон подклета избы, сеней, чердака, хлева, повети, амбара, бани и пр. Чаще это прямоугольное отверстие, прорубленное между двумя смежными венцами бревен. Иногда оно приобретает форму «рыбьего зуба», или двух рядов смыкающихся зубов, или равноконечного креста и пр.⁵, осмысляемых соответственно как знак берега (зубы) и как знак солнца (крест). Не случайно и в мифологических рассказах щель интерпретируется как окно в иной мир, недоступный обыденному взгляду: «В щелочку посмотрю: всё человечки такие маленьки бегают, не в одежде, а в лепестках»⁶, т. е. в лохмотьях, рванье, что обнаруживает в них признаки лиминальных существ. О том, что мифический пришелец для проникновения в жилое пространство не довольствуется окном, а предпочитает воспользоваться «щелью» или «форточкой», свидетельствуют и материалы, принадлежащие иным локальным традициям. (Такая щель в других случаях приравнивается к двери.) И даже вполне обозначенное в быличке окно может выступать в качестве дыры, в которую, например, вылетают ночью на мороз, пробив при этом две остекленные рамы, сидевшие в подпечке куры⁷, что истолковывается как предзнаменование большого несчастья.

О тождестве осмысления щелей и окон, дверей, равно как и дымовой трубы, свидетельствует лирическая (тюремная) песня:

Ой ни *дверей* нету, ни око...
Ой нету ни *окошечка*,
Ни *щелей* нету, не протё...
Ой нету, не протёсано,
Только есть то одно тру...
Ой есть то *труба дымова* (курсив мой. – Н. К.)⁸.

На смену щелевым отверстиям со временем приходят волоковые окна, прорубленные в двух смежных венцах в половину диаметра каждого бревна сруба. Их ширина в полтора-два раза превышает высоту. Поскольку такое окно закрывается – «заволакивается» изнутри тесовой задвижкой, оно и называется «волоковым». Возникнув в глубокой древности, волоковые окна сохраняются в обиходе севернорусской деревни поныне, причем не только в подсобных, но и в жилых помещениях, где они прежде располагались по обе стороны от центрального, косячатого, окна, а позже стали прорубаться между венцами подклета. [Кстати, волоковые

окна встречаются и в церквях: например, в церкви Лазаря Муромского (XIV в.), находящейся ныне на территории музея-заповедника «Кижи».] Формы волоковых окон разнообразны: от прямоугольной до сложной, декоративно обработанной.

Косячатые, т. е. обрамленные косяками, окна появились в крестьянских домах не позже XVII в. (в княжеских палатах, возможно, уже в XIII в.). Поначалу подобные трехсоставные окна невелики по размеру, высотой в два-три венца. Будучи квадратными или почти квадратными⁹, они находятся в сложной соотношенности с пропорциями самого сруба. В отличие от волоковых, косячатые окна в крестьянских избах не открывались. Иногда рама была частично подвижной. Однако даже в середине XX в. многие крестьянские дома строились с неоткрывающимися окнами.

В XVIII–XIX вв. получает распространение колодчатое окно. Его колода составлена из четырех тесанных топором массивных брусьев, прочно связанных между собой. С середины XIX в. тяжелые косяки и колоды стали заменяться легкими оконными коробками из пиленых досок. «Таким образом, в своем развитии окно последовательно изменяло свою форму и размеры, от горизонтально расположенного маленького светового отверстия – к квадрату и затем к вертикальному большому прямоугольному проему», – пишет И. В. Маковецкий¹⁰. Соответственно менялись и заполнители окна (бычий или рыбий пузырь, слюдяные пластины, стекло), и система его конструктивно-декоративного оформления. Причем широкое использование стекла в деревне для заполнения переплета деревянной рамы-оконницы относится ко времени не ранее начала XIX в.¹¹ Тем самым загадка об оконной раме «Поля стеклянные, берега деревянные» имеет не такую уж давнюю историю.

Знаками магических функций, приписываемых окнам, служит декор наличников, создание которого имеет глубокие традиции. «Резные доски оконных наличников» обнаружены археологами на Неревском конце Новгорода в слоях XI–XIV вв.¹² Заметим, что декор имели уже щелевидные и волоковые окна. Так, например, концы резной доски при волоковом окне могли имитировать формы петушьих гребней.

В числе зооморфных покровителей жилища, изображаемых на оконных наличниках в севернорусских деревнях, фигурируют, к примеру, рога барана или быка, гребень петуха, силуэты птиц, коня, а подчас и ласки, в облике которой нередко появляется домово-дворовой: «Ласка коней мучила. Заберется на коней – начнет щекотать. Кого не залюбит – до смерти замучает. А если любит – косички заплетает. Сама небольшая, шейка беленькая, ушки остренькие»¹³. Декор наличника некоторых каргопольских изб напоминает шкуру зверя. В крестьянских домах бассейна реки Сухоны на

досках наличников встречалось изображение рыбы. Как отмечает А. Б. Пермиловская, в декоре оконных наличников заложена идея безопасности жилища, которая достигается, в частности, «резьбой с орнаментацией магического характера, например, солярной символикой, росписью растительного характера, несущего идею плодородия и счастья в доме»¹⁴. О семантике включенных в композицию оконного декора зоо-, орнито-, фито- и антропоморфных образов покровителей жилища, равно как и космогонических знаков-символов, доводилось говорить и автору этих строк¹⁵.

Вместе с тем окно служит концентрированным выражением жилища. Обработку проемов, уподобляемых графическому символу самого дома, выявляет и исследует наряду с другими образами И. Е. Гришина¹⁶. Отметим, что подобный символ обнаружен уже в Неревском раскопе древнего Новгорода на двух наличниках, найденных в слоях конца XIII в.: на гладко выструганных досках имеется по три сквозных фигурных прореза, изображающих силуэт фасада церкви XII в.

Сама ориентация окон «на юг – на „лето“, на „красную“, или „полднюю“, сторону»¹⁷ выполняет, помимо утилитарной, магическую функцию, обусловленную космологическими представлениями, идеей включенности жилища в мироздание, которая наиболее отчетливо проявляется в загадках. В них окно осмысляется как проводник солнца (луны), его лучей в крестьянскую избу¹⁸. Оно открывает доступ взгляду из жилища к звездному небу, соотносит время, текущее в микрокосме (месяцы), со временем в универсуме – с годовым циклом.

Односрубная севернорусская изба чаще имеет три окна по фасаду:

На передней-то стене три окошечка,
Три окошечка да три косячатые...¹⁹

Окно, расположенное у стола, в переднем углу, называется «передним», центральное – «средним», или «красным», а третье, находящееся против устья печи и посудного полавника, именуется «судным»²⁰. Кроме того, одно или два окна размещаются на боковой стене. Особую семантическую значимость имеет переднее окно, что находит отражение даже в частушке:

Миленький, не стукайся,
Хорошенький, не брякайся,
Под передним-то окошком (курсив мой. – Н. К.)
Приди поцарапайся!²¹

Или:

Хватит, хватит – погуляла,
Хватит – покудесила!
У переднего окошка (курсив мой. – Н. К.)
Зыбочку повесила²².

Переднее окно отождествляется с передним углом и в причитаниях:

Ты сади-тко дорогу́ гостью
Под переднее окошечко (курсив мой. – Н. К.),
Под Святые под Апостолы...²³

В мифологических рассказах и поверьях обычно не указывается, с каким из окон связано то или иное сверхъестественное, псевдореальное либо вполне правдоподобное происшествие. В быличках и бывальщинах окно – это всегда полисемантический знак-символ, абстрагированный от любого из его конкретных «прототипов», но совмещающий в себе множество разновременных и разнотипных реальных конструкций. Специалисты отмечают сходство в конструктивных особенностях между оконными и дверными проемами, обнаруживая в них преемственную связь²⁴. И в самом деле, и у тех и у других важнейшими составляющими в конечном итоге являются косяки, притолока, а дверному порогу в косячатом окне соответствует плаха так называемой подоконной подушки, поверх которой укладывается подоконник. Неудивительно, что даже в мифологических рассказах окна, в какой-то мере усиливая функцию дверей, подчас используются в качестве своего рода «запасного выхода»: «Как вдруг в коридоре застучит, ведра полетели – мы *в окошки* все и *повыскакивали* (курсив мой. – Н. К.)»²⁵. Мало того, в некоторых похоронных и поминальных обрядах окно представлено в качестве наиболее предпочтительного входа пришельцев из мира мертвых в крестьянскую избу и выхода их оттуда²⁶. Впрочем, возможна и ситуация «нерегламентированного входа», которая, однако, чаще проявляется в сказке (например, «Финист-ясный сокол») и особенно в лирической песне: «Не отворишь, душа, *двери*, открой хоть *окошко*»²⁷. В то же время известны мифологические рассказы, в которых, как и в деревенском этикете, функции окна и дверей совмещены: постучав в полуночный час *в окно*, некто (это был леший) велит лавочнику открыть *дверь*, после чего входит в кабак.

Однако главное назначение окна в мифологических рассказах – быть каналом связи внутренней части избы с внешним миром, поскольку «окно продолжает наш взгляд за пределы дома»²⁸. С окном в первую очередь связаны мифологические представления о контактах с умершими: «С той поры каждую ночь он (покойный Петр. – Н. К.) к Ивану приходит, то *под окном стоит, стучит да воет* (курсив в цитатах мой. – Н. К.)»²⁹. Или: «*В середнее окошко стучает* [покойный муж]: „Дуняха, открой!“ А мужик меня „Дуняхой“ звал»³⁰. В одной из бывальщин раздавшийся под окном звук колокольчика и топот тройки лошадей свидетельствуют, что за женщиной, живущей в этом доме, приезжали ее умершие родственники: «Мама, если бы тебя забрали, ты умерла бы в этот год»³¹.

Причем подоконное пространство нередко осмысляется как медиативная зона. «О самое-то окошко» мимо домов, где живут родные, в урочный день и час проходят умершие. И обладающий тайными знаниями может воспользоваться данным ему один-единственный раз шансом, чтобы, сев под окном, вернуть родного человека в мир живых, что, однако, в силу тех или иных причин не удастся сделать: «Ну вот, – говорит, – не плачь, а поди в такой-то день, сядь под окошко и возьми крест. Как она (дочь. – *Н. К.*) мимо пойдет, дак ты, – говорит, – как кинешь на нее крест либо хлопнешь, она останется»³². В другой бывальщине девушка, которая каждый вечер смотрела в окно, выходящее на кладбище, видит, как оттуда идет и останавливается под окном ее умерший «кавалер»³³. Знаком-символом появления покойника в подоконном пространстве нередко служит звук, выраженный вначале в акустических, затем в динамических параметрах и, наконец, в вербальной форме: «Ночь спит. Чудится ему все: *калайдают* кто-то под окном. Вторую ночь спит – уже *ходят* под окном! И ему-то жутко. На третью ночь как повалился спать, а этот-то и пришел [покойник] да и *говорит* „Отдай мое кольцо!“»³⁴. Предполагается, что именно под окном в урочный час происходит «размыкание» миров.

В том случае, когда в мифологическом рассказе жилое пространство в какой-то момент предстает как трансцендентальное, окно в качестве канала связи с иным миром маркирует путь не изнутри наружу, а извне – внутрь, где безраздельно властвует дух-«хозяин», имеющий, помимо прочего, несомненные признаки умершего. В результате то, что обычно находится вовне, при взгляде через окно снаружи оказывается как бы внутри, а то, что без окна не видимо, становится посредством него доступным зрению³⁵. Иначе говоря, окно в мифологических рассказах подчас предстает как «образ сверхвидимости», позволяющий человеку осознать присутствие тайных сил, связанных с микрокосмом крестьянского жилища: «„Боюсь дома. У нас какая-то женщина ходит по избы в белой одежи, в коленкоре белом, и *в окно* кажется“. С палками пойдём, не боимся – нету. Отойдем – опять *в окно* (курсив мой. – *Н. К.*) кажется. Я говорю: „Кто-то умерши в вашем доме“»³⁶. Такой дом, согласно одной из быличек, сродни гробу-домовине, который противопоставляется жилому в соответствии с оппозициями: новый – старый, светлый – темный (черный), высокий – низкий (невысокий), большие окна – «маленьки окошечка». В нем, как выясняется, «погинул» сын женщины, увидевшей это строение во сне³⁷. Семантически подобный дом соответствует намогильному и припечному голбцам, равно как и дымнице на крыше топящейся по-черному избы. Выходящий из нее дым в народных верованиях ассоциируется с душами умерших. Подобные представления можно считать проявлениями архети-

па, связанного с древним погребальным обрядом, исполняемым посредством кремации. Вместе с тем известны факты, свидетельствующие о былых захоронениях под порогом, печью, полом жилища, что также служит предпосылкой для отождествления концептов «дом» и «гроб».

Окно в мифологических рассказах – это и канал связи между людьми и духами-«хозяевами». В одной из бывальщин сидевший ночью у окна нищий, пущенный хозяевами на ночлег, видел, как некий «старичина» (это был домовый) кинул на двор «тукач» сена для лошадей³⁸. Из подобного окна тайнозрителю нередко открывается недоступное для обыденного зрения появление в «этом» мире и других духов-«хозяев»: например, водяного, плывущего по озеру совсем как человек, да вот только «следа не видно»³⁹. Из окна же видят и лешего, пригнавшего испрошенную у него добычу («стадо лисиц») под окно промысловой избушки⁴⁰. Окно представлено не только как смотровое, но и как слуховое отверстие, которое оказывается каналом связи с иным миром. Так, согласно бывальщине, хозяйская дочь, взглянув в окно, увидела целое семейство домовых, изгоняемых колдуном из избы за их своеволие, и услышала, как те голосили, умоляя о пощаде. В другом мифологическом рассказе визуально-акустический контакт посредством окна осуществляется и с лешим: «В двенадцать ночи он (старик. – *Н. К.*) встал <...>. Потом открыл через левое плечо *окно*, вытащил из *окна* веревку (опять через левое плечо) и сел на лавку. А потом вдруг как заорет: „Эй, ну где вы там?“ И *за окном* такой свист поднялся. Старик крикнул, чтобы корову отдали. Через пять минут стукнули *в окно* (курсив мой. – *Н. К.*) – и чей-то голос сказал, что корова будет привязана в таком-то месте»⁴¹. Впрочем, возможна и диаметрально противоположная коллизия: старуха, которая «с лешим зналасе», «отдала за лес нашу нетель», пришедшую к ним под окошко⁴².

Окна в мифологических рассказах осмысляются как обладающие особой сверхзоркостью очи-глаза крестьянского жилища (праславянск. *о́кно* – из *око*; индоевропейский же корень *ok* означает «смотреть, видеть»). В связи с этим уместно вспомнить данные по истории материальной культуры, позволяющие говорить о древнем типе окон в форме глаза, что находит свое естественное объяснение в общем контексте уподобления частей дома членам человеческого тела⁴³. [Заметим, однако, что изначально части дома напоминали почитаемое животное тотемного характера.] В этом свете ахматовская поэтическая сентенция «Как живое взглянуло окно...» получает свое мифологическое обоснование.

С окном соотносится и некая неведомая сила, слабо дифференцированная и, по сути, персонифицированная. Воспользовавшись окном как отверстием в стене крестьянской избы, она извне посредством стука и

слова манипулирует волей человека, находящегося в жилом пространстве, чему тот не в состоянии противиться. Так, в одной из бывальщин мифическое существо, названное неопределенно «чертом» или «чертовкой», постучав в окно и окликнув по имени спящую девушку, уводит ее из дома в глубь леса, а затем внезапно исчезает⁴⁴. Причем знанием имени обусловливается владение душой того, кто носит это имя. Стук в окно, исходящий от пришельцев из иного мира, осмысляется как предвестие перемен в жизни обитателей данного дома: «Еще бабка, помню, говорила: Если кто-то постучит в окна, спроси: „К худу или к добру?“»⁴⁵. Эта сюжетная коллизия может принимать различные воплощения. Так, например, появление в избе «дядьки», который, «поколотившись» в окно, вошел сюда в облике отца («похож на папу»), оказывается предвестием скорого возвращения родных, в том числе и реального папы, с германской войны: «Как раз наши на той неделе пришли домой»⁴⁶. Особую силу воздействия на человеческую судьбу имеет неоднократно повторяющийся стук в окно: «И на вторую ночь опять снова»; «И несколько раз так; <...> уж неделю это все так длится». Такой стук, да еще сопровождаемый криком, служит предвестием смерти, что вскоре и происходит⁴⁷.

Сидя у окна, связующего-разграничивающего миры, мифические существа, как и дублирующие их действо реальные люди, посредством магического рукоделия (прядения, плетения, вышивания, вязания и шитья) предопределяют дальнейшее течение человеческой жизни. Это доможириха, сидящая на лавке «у окошка» и своим прядением магически обеспечивающая достаток живущей здесь семье⁴⁸. Это «девка», которая, расположившись «у окна в избы, в пяльцах шьет», вызывая появление своей сестры-двойняшки, рожденной вместе с ней, но отданной тогда же подполяннику: «Шьет она, шьет. Как тут подполье открылось в подпечи (из-под русьской печи) – и девка друга оттуда вышла»⁴⁹. Теперь, воспользовавшись своим выходом на свет, пришлица «оттуда» поведала своей земной сестре о постигшей ее судьбе. В другом рассказе, связанном с рукоделием, под окно в святочную ночь подходит некая неперсонифицированная сила, в которой различимы признаки божеств судьбы. Задав прядущей допоздна («петухи пропили, обняли други») лишь один сакраментальный вопрос: «Ты прядешь?» – они тем самым напоминают крестьянке, что простым смертным в святочную ночь прясть нельзя, после чего отходят от окна⁵⁰, которое осмысляется как канал связи потусторонних сил с людьми. Через окно фактически предопределяет на ближайшее время течение жизни социума и некая неперсонифицированная сила, получившая от оплошавших рыбаков санкцию на развязывание-завязывание невода, от чего в конечном итоге зависело продолжение промысла либо приостановка такового, наличие улова либо его полное отсутствие⁵¹.

Заметна роль окна и в моделировании будущей жизни индивида и социума. Существует поверье, что события, происходящие под окном в момент рождения младенца и увиденные повитухой, предопределяют судьбу, всю будущую жизнь новорожденного. «Окно обладает способностью к моделированию того, что через него видно», – отмечает В. Н. Топоров⁵². Добавим к сказанному, что в такой же мере оно моделирует и то, что из него слышно. Особенно это заметно в мифологических рассказах, соотнесенных с мантическим обрядом, в котором актуализируется окно и подоконное пространство. Так, в одной из бывальщин предсказание, осуществляемое вербальным способом, поступает из окна пустого дома, где безраздельно господствует мифический оракул. Причем слова предопределения гадающие получают, находясь в магическом подоконном локусе, созданном посредством троекратного очерчивания, выделившего для медиативной роли сакральный круг из профанного пространства⁵³. И наоборот, знакисимволы будущего, выраженные акустическими средствами, могут поступать через окно снаружи внутрь: «Потом, говорит, ён (дед. – Н. К.) окно открыл взял, зимой, открыл окно, да и слухат. А уж слуха, видно, там что-ни сказал. Вдруг-от как колокольци зазвонили! Как едут в Кулгалу, туды, дак только шум идет, только шум идет...»⁵⁴. Открытое окно в данном случае приравнивается к «размыканию» миров. И возникающая вследствие такого «размыкания» фоносфера служит акустической символикой предстоящей свадьбы.

Через окно программируется и жизнь в новом доме. По одному из рассказов, хозяин, совершая троекратный обход вокруг избы и дойдя до окна, вступал всякий раз в ритуальный диалог с хозяйкой: «До окна дошел – хозяйка кричит: „Кто ходит?“ Он отвечает: „Бог ходит, хлеб-соль носит“»⁵⁵. В результате наблюдается все та же коллизия: окно моделирует то, что через него услышано. В данном случае через окно ниспосылается покровительство сверхъестественных сил поселившимся в новом доме людям.

Таким образом, рассматриваемый проем в стене крестьянской избы осмысляется как окно в недифференцированный внешний мир, от мифических обитателей которого зависит судьба крестьянской семьи. Чтобы обеспечить наиболее благоприятный исход во взаимодействии с ним, живущим здесь предстоит соблюдать все связанные с окном, как и с другими компонентами дома, установления и предписания традиционного этикета. Ведь это не только канал связи с иным миром, но и страж, охраняющий границу крестьянского жилища от воздействия вредоносных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд. М., 2005. С. 95–97, 166–171; Он же. Окно в звуковом пространстве // Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М., 2003. С. 120–133; Гришина И. Е. Семантика входных и оконных проемов крестьянского жилища как основа их композиционного развития // Народное зодчество: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1992. С. 63–84; Невская Л. Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. С. 110–111; Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). М., 2000. С. 126–139, 198–206; Мороз А. Б. Божница и окно: семиотические параллели // Слово и культура. М., 1998. Т. 2. С. 114–125; Пермиловская А. Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск, 2005. С. 208–211, 251–258; Топоров В. Н. К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984. С. 164–186.

² Топоров В. Н. Указ. соч. С. 164.

³ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 262.

⁴ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. 3-е изд. М., 1999. Т. 2. С. 594.

⁵ Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. С. 147, 256–257. Фото 38–41.

⁶ Архив Карельского научного центра РАН (далее – АКарНЦ РАН), колл. 161, № 545 (номер текста в коллекции).

⁷ Там же, колл. 126, № 1.

⁸ Там же, колл. 52, № 48.

⁹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 120 (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXI); Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2004. С. 39.

¹⁰ Маковецкий И. В. Указ. соч. С. 147.

¹¹ Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 122–123.

¹² Максимов П. Н. Творческие методы древнерусских зодчих. М., 1976. С. 162.

¹³ АКарНЦ РАН, колл. 179, № 127.

¹⁴ Пермиловская А. Б. Указ. соч. С. 209.

¹⁵ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. СПб., 2001. Т. 1. С. 140–141, 143, 150, 274.

¹⁶ Гришина И. Е. Указ. соч. С. 74, 77, 80.

¹⁷ Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 58.

¹⁸ См.: Байбури А. К. Указ. соч. С. 166–167.

¹⁹ Поэзия крестьянских праздников / Вступ. статья, составление, подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Л., 1970. № 480, с. 337.

- ²⁰ Маковецкий И. В. Указ. соч. С. 111.
- ²¹ Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов. М.; Л., 1965. № 1232. С. 78.
- ²² Там же. № 1448. С. 87.
- ²³ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872. С. 78–79.
- ²⁴ Гришина И. Е. Указ. соч. С. 68.
- ²⁵ АКарНЦ РАН, колл. 181, № 66.
- ²⁶ См.: Байбурин А. К. Указ. соч. С. 167–168.
- ²⁷ АКарНЦ РАН, колл. 52, № 57.
- ²⁸ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 168.
- ²⁹ Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. статья и коммент. И. В. Карнауховой. Предисл. Ю. М. Соколова. М.; Л., 1934. № 121. С. 228.
- ³⁰ АКарНЦ РАН, колл. 169, № 430.
- ³¹ Там же, колл. 192, № 157.
- ³² Там же, колл. 134, № 44.
- ³³ Там же, колл. 125, № 57.
- ³⁴ Там же, колл. 125, № 58.
- ³⁵ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 169.
- ³⁶ АКарНЦ РАН, колл. 151, № 344.
- ³⁷ Там же, колл. 83, № 12.
- ³⁸ Там же, колл. 142, № 134.
- ³⁹ Там же, колл. 23, № 320.
- ⁴⁰ Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1848. Т. 4. Отд. 8. С. 144.
- ⁴¹ АКарНЦ РАН, колл. 169, № 520.
- ⁴² Там же, колл. 201, № 211.
- ⁴³ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 172.
- ⁴⁴ АКарНЦ РАН, колл. 191, № 116.
- ⁴⁵ Там же, колл. 181, № 67.
- ⁴⁶ Там же, колл. 23, № 273а.
- ⁴⁷ Там же, колл. 6, № 102; колл. 68, № 154; колл. 84, № 38.
- ⁴⁸ Сказки и предания Северного края. № 79. С. 164.
- ⁴⁹ АКарНЦ РАН, колл. 43, № 171.
- ⁵⁰ Там же, колл. 160, № 153.
- ⁵¹ Подробнее о магии рукоделия см.: Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск, 2000. Т. 2. С. 87–113.
- ⁵² Топоров В. Н. Указ. соч. С. 177.
- ⁵³ Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. № 10. С. 19–20.
- ⁵⁴ АКарНЦ РАН, колл. 140, № 253.
- ⁵⁵ Там же, колл. 134, № 107.